

УДК 94(4)04/05"
ББК 63.3(0)41-913-8
DOI: 10.46726/H.2021.3.10

В. М. Тюленев

КАССИОДОР — ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ О СЕБЕ МИФ

В статье рассматривается вопрос о том, какой литературный автопортрет создал Флавий Кассиодор и тем самым повлиял на формирование мифа о себе в науке XIX—XX вв. В статье анализируются три основных компонента этого мифа. Во-первых, показано, что для Кассиодора было важным показать себя представителем древнего римского рода и поборником римских аристократических традиций, в том числе связать славу своего рода с государственным служением и литературными занятиями. Во-вторых, кратко рассмотрено его понимание собственного места в политической жизни Остготского королевства. В частности, показано, как Кассиодор превращает себя в важнейшую фигуру при дворе остготских королей. В-третьих, проанализирован образ Кассиодора как создателя Вивария и теоретика образования. Все три составляющие самопрезентации Кассиодора позволяют увидеть в нем выдающегося позднеантичного риторика, конструирующего свой портрет в глазах современников и потомков. В то же время показано, как часто этот портрет оказывается далек от реальности.

Ключевые слова: Кассиодор, самопрезентация, идентичность, поздняя античность, риторика.

V. M. Tyulenev

CASSIODORUS: A MAN WHO CREATED A MYTH ABOUT HIMSELF

The article considers the question of the literary self-portrait created by Flavius Cassiodorus and how it influenced the formation of the myth about himself in the science of the XIX—XX centuries. The article analyzes three main components of this myth. First, it is shown that it was important for Cassiodorus to show himself as a representative of an ancient Roman family and a devotee of Roman aristocratic traditions, including associating the glory of a kind with public service and literary pursuits. Secondly, it briefly examines his understanding of his own place in the political life of the Ostrogothic kingdom. Particularly, it shows how Cassiodorus turns himself into an important figure at the court of the Ostrogothic kings. Thirdly, the image of Cassiodorus as the creator of the Vivarium and the theorist of education is analyzed. All three components of Cassiodorus's self-presentation allow us to see in him an outstanding late antique rhetorician who constructs his portrait in the eyes of his contemporaries and descendants. At the same time, it is shown how often this portrait turns out to be far from reality.

Key words: Cassiodorus, self-presentation, identity, late antiquity, rhetoric.

Название настоящей статьи носит несколько провокативный характер. Сначала даже хотелось поставить знак вопроса после заявленного тезиса, но это был бы явно риторический вопрос. Кассиодор, оставивший после себя большое литературное наследие, неизбежно создал тем самым миф о себе.

© Тюленев В. М., 2021

Мы судим о писателе, ориентируясь прежде всего на его тексты, вне зависимости от того, насколько ярко он в них себя выразил и хотел ли вообще отразить себя в них. Для риторической культуры поздней Античности, к которой принадлежал Кассиодор, самопрезентация автора — вещь само собой разумеющаяся. Образованный человек того времени писал письма, да и не только письма, не в последнюю очередь, чтобы заявить о себе, своих талантах, чувствах, отношении к собеседнику и пр. [7, с. 84]. Поэтому вопрос априори получил бы утвердительный ответ, и на этом разговор можно было бы завершить. Тем не менее представляется важным не только констатировать, что, читая сохранившиеся труды Кассиодора, мы помимо заложенного в них содержания видим еще и автора, вольно или невольно рассказывающего о себе, но имеет смысл также разобраться с тем, к чему сводится этот «миф».

Проблема авторской самопрезентации в древнеримской литературе, несмотря на свою новизну, уже имеет некоторую исследовательскую традицию, по крайней мере, предложена определенная методология изучения того, в англоязычной литературе получило название *self-presentation* [19, 20]. В качестве примера-иллюстрации сошлемся на одно лишь сравнительно недавнее коллективное исследование «*Self-Presentation and Identity in the Roman World*», авторы которого рассматривают эту проблему на материале римской литературы конца Республики и эпохи Принципата [19]. В названии упомянутого сборника неслучайно поставлены рядом понятия самопрезентации и идентичности. Очевидно, что, говоря о самопрезентации любого автора, приходится вести разговор также о его самоидентичности, о том, к какому этнокультурному, социальному, политическому кругу он себя относил [11, p. vii]. Обращаясь к литературному наследию Кассиодора, нам также хотелось бы рассмотреть, с одной стороны, в качестве кого, то есть членом какой группы, обладателем какой власти он стремился презентовать себя читателям (своим современникам и потомкам), и, с другой, каким он оказывался на страницах своих произведений, возможно, помимо своей воли, то есть рассмотреть и эксплицитный, и имплицитный уровень самопрезентации Кассиодора.

Жизни и творчеству Кассиодора посвящены сотни трудов, обобщение которых могло бы стать предметом отдельного исследования¹. При этом сразу необходимо сказать, что все попытки реконструировать жизнь Кассиодора и оценить его вклад в политическую историю Италии VI в. и, особенно, историю культуры раннесредневековой Европы, неизбежно опирались на результат его самопрезентации. Труды Кассиодора, его манера говорить о себе убедили историков XIX—XX вв. в том, что, во-первых, он был ключевой фигурой при дворе остготских королей (Теодориха Великого, Амасунты, Теодата, Витигеса), играя роль «серого кардинала» [18, p. 63—64; 4, с. 82; 6, с. 36—37], во-вторых, что он создал уникальное учебное заведение на базе монастыря, Виварий, которому суждено было стать спасительной гаванью для античной культуры в период бурного становления новой христианской цивилизации на латинском Западе [4, с. 142—144; 12, p. 336; 13, p. 51; 18, p. 381—382]. Оценки, которые прозвучали из уст Якоба Хаммера в адрес Кассиодора, уже своей тональностью убеждают читателя, что перед ним не столько реальный исторический деятель далекого VI в., сколько «культурный герой», «благодетель человечества» (*benefactor of humanity*), который «спас

¹ Обзор исследований, посвященных Кассиодору, можно найти в работах В. И. Уколовой [4, с. 75—83] и П. П. Шкаренкова [6, с. 22—32].

сокровища былых времен» (*saved the treasures of the past*) и без чьего участия древние памятники бесследно исчезли бы [15, p. 381—382].

Разумеется, подвергнуть анализу все литературное наследие Кассиодора и на его основе определить, каким образом он формировал память о себе, в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы обратимся к трем основным моментам, составляющим «миф» о Кассиодоре. Во-первых, к его позиционированию себя в качестве представителя древнего римского рода; во-вторых, к его определению собственного места в политической жизни Остготского королевства; наконец, в-третьих, к образу Кассиодора-создателя Вивария.

Изучение вопроса о самоидентичности Кассиодора и его самопрезентации облегчается тем, что он, оставивший после себя значительное литературное наследие, не скрывается от читателя. В целом ряде вошедших в его знаменитые «Варии» речей и писем, написанных преимущественно от лица остготских королей, он, говоря о себе в третьем лице, показывает собственное место при дворе и в административной жизни королевства. В более поздних богословских трудах он также с удовольствием говорит о своих намерениях, поясняет, что двигало им при обращении к тому или иному вопросу. Наконец, его перу принадлежит дошедшее до нас в виде небольшого фрагмента сочинение «*Ordo generis Cassiodororum*», в котором Кассиодор попытался представить историю своего рода, определив в ней и свое место.

Датировка упомянутого «*Ordo generis*» затруднительна. Несмотря на то, что сохранившийся фрагмент открывается вступлением, в котором Кассиодор назван уже монахом, скорее всего, работу над текстом следует отнести к 527—533 гг., о чем говорит упоминание должностей, занимаемых Кассиодором [18, p. 14]. То есть это время, когда завершился первый важный этап его политической карьеры при Теодорихе Великом, а возвращение в политику в качестве префекта претория было еще впереди [18, p. 14]. В тексте привлекают к себе внимание прежде всего два момента.

Во-первых, как уже не однократно было отмечено в литературе, Кассиодор самим фактом написания истории своей семьи хотел представить читателю свой род достаточно древним, связав его с римским родом Анициев [16, p. 209—211; 4, с. 82; 7, с. 35]. Насколько он углубился в прошлое своей семьи и каким образом его сирийский по происхождению род оказался связан с Анициями, по фрагменту определить невозможно; очевидно только то, что дошедший до нас отрывок, включающий краткие биографические очерки о Симмахе, Боэции и самом Кассиодоре, не оставляет у читателя сомнений по поводу родственных связей первых сенаторов и самого Кассиодора.

Разумеется, стремление прославить свой род было общим для римской культуры, в том числе (и, быть может, особенно) для римской культуры V—VI вв., когда представители римской и галло-римской элиты ощущали серьезные социальные и культурные изменения, затронувшие позднеантичное общество, когда вопрос культурной идентичности встал особенно остро [1, с. 421; 14]. Кассиодор еще раз пишет о своих предках в «Вариях», в письме, составленном от имени короля Теодориха, где он, извещая сенат о возведении отца в патриции, перечисляет достижения также деда и пишет в целом: «Древний род, славные предки, облаченные в тогу» [10, p. 15 (I, 4, 9)]. А далее обращает внимание на то, что слава его рода разошлась по обеим царствам, то есть и по восточной части Империи, и по западной [10, p. 15 (I, 4, 14)]. Таким образом, проблема, очевидно, не только в тщеславии, простительном для людей круга Кассиодора. Более важным, скорее, является то,

что предложенное Кассиодором родословие в «*Ordo generis*» оказалось фикцией [16, р. 209—211]. Его прадед, дед и отец, сведения о которых не сохранились в дошедшем до нас фрагменте «*Ordo generis*», но приведены в упомянутом выше письме Теодориха, действительно, прославились, защищая Италию и участвуя в ее управлении. И, как пишет Дж. О’Доннелл, каждый из них сумел извлечь выгоду в динамично меняющейся политической обстановке, всякий раз оказываясь в выигрышной позиции; особенно отец Кассиодора, который, будучи наместником Сицилии при Одоакре, вовремя перешел на сторону Теодориха и тем самым оказался в стане победителя [18, р. 32]. Но этому роду было далеко до Анициев, и в Италии они были очевидно «новыми людьми», «высочками» [6, с. 35].

Во-вторых, Кассиодор явно стремился связать славу своего рода не только с гражданским служением, но и с литературными и научными занятиями. Он не только указывает, какие посты занимали его родичи, но обращает, в частности, внимание на то, что Симмах написал римскую историю в семи книгах [10, р. vi (lin. 10)]², а Бозэций — прекрасный оратор, «весьма сведущий в обоих языках» [10, р. vi (lin. 16—17)]. Возможно, Кассиодор, отбирая информацию преимущественно о литературных занятиях представителей своего рода, ориентировался на сочинение Иеронима «О знаменитых мужах» [5, с. 538], но это лишь убеждает нас в том, что его идеал аристократического рода предполагал симфонию гражданского служения и научного творчества. Отрывок, посвященный самому Кассиодору, есть смысл привести целиком: «Кассиодор Сенатор, образованнейший муж, обладающий многими достоинствами. Он был еще юн, когда стал советником отца-патриция и префекта претория Кассиодора и произнес красноречивейшую хвалу королю готов Теодориху, и был произведен им [Теодорихом] в квесторы, патриции и ординарные консулы, а потом в магистры оффиций. Он предложил образцы речей, которые распределил по двенадцати книгам и озаглавил Вариями. Он написал по велению короля Теодориха историю готов, сообщив об их происхождении, местах обитания и нравах в 12 книгах» [10, р. vi (lin. 26—37)].

Таким образом, Кассиодор стремится показать себя в «*Ordo generis*» не только в качестве представителя древнего италийского рода, но и продолжателем того *cursus honorum*, который соединял в себе несение государственных обязанностей и практику в традиционных для аристократа литературных занятиях. При этом обращает на себя внимание, что именно в литературных занятиях Кассиодор показывает свою прочную связь с новой системой политических отношений в Италии. Все тексты, которые он создает, он пишет, как видно из его собственных ремарок, либо для прославления новой власти, либо по прямой ее инициативе.

«Варии», знаменитое собрание писем, наказов, рескриптов и речей, исходивших, как правило, из королевской канцелярии, отредактированных, а скорее составленных самим Кассиодором³, изначально задумывались в качестве

² Латинский текст *Ordo generis Cassiodororum* опубликован Т. Моммзенем в предисловии к изданию «Варий»; ссылки даются с указанием номера страницы и в скобках номера строки (*linea*) латинского текста по изданию [10, р. v—vi].

³ П. П. Шкаренков вслед за своими предшественниками, изучавшими творчество Кассиодора, показывает, что «Варии» — не просто сборник отредактированных Кассиодором документов, но сочинение, в основном написанное этим придворным [6, с. 49]. И не будем забывать, что ряд писем «подписаны» непосредственно самим Сенатором, как чаще всего именовал себя Кассиодор.

труда, призванного стать не только пособием для будущих служителей канцелярии и не только наставлением для будущих государей, но и зеркалом души (*speculum mentis*) самого автора [9, р. 4 (praef. 10); 6, с. 55, 189]. Потому читатель вполне может увидеть в тексте документов не только принимавшиеся Теодорихом и его преемниками меры по управлению государством, но и самого автора. В данном случае мы вновь обращаем внимание на два важных момента. Во-первых, Кассиодор всячески демонстрирует свое владение изящной речью, показывает себя носителем красноречия, способного выразить искренние чувства и переживания оратора [6, с. 189]. Всякий раз подчеркивая свою заботу о красоте слога, Кассиодор стремится показать себя представителем высшего слоя римской аристократии, для которой именно владение словом выступало важнейшим идентифицирующим признаком [3, с. 158].

Во-вторых, те документы «Варий», в которых Кассиодор упоминает о себе и по которым мы догадываемся о его роли в принятии управленческих решений, представляют его чуть ли не важнейшей фигурой в политической и придворной жизни Италии 20—30-х гг. VI в. Конечно, изучение биографии Кассиодора показывает, что его политическая карьера имела не только взлеты, но и падения; в начале правления Амаласунты ему пришлось уйти в отставку и шесть лет провести вдали от двора [6, с. 40—41]. Но в письмах он показывает себя ближайшим другом королевской семьи. В письме 533 г., составленном от имени Аталариха, он назван спутником короля, с которым Теодорих в свободное от государственных забот время мог предаться ученой беседе, набираясь от него мудрости, так что казался «философом в пурпуре» (*purpuratus philosophus*) [10, р. 290; (IX, 24, 8)]. И эта близость к трону, судя по письмам, сохраняется и после смерти Теодориха. В следующем же послании Аталариха к сенату (конец 533 г.) Кассиодор, говоря о себе устами короля, всячески подчеркивает свою незаменимость при дворе преемников основателя Остготского королевства: «он был единственным человеком, который был повсюду, готовил прокламации, помогал нам советами... оказывал поддержку в начале нашего правления и мечом, и словом» [10, р. 292; (IX, 25, 7—8)]. Кроме того, послания, написанные самим Кассиодором, убеждают читателя в том, что именно он принимает ряд принципиальных решений. Он назначает на должности [10, р. 335—336 (XI, 6)], заботится о поставках продовольствия [10, р. 352—353 (XI, 39)], инициирует амнистию [10, р. 353—355 (XI, 40)].

При этом сам Кассиодор, что кажется крайне важным, позиционирует себя прежде всего в качестве наставника, просветителя, советника при дворе. Тем самым он не только создает образ остготских королей, поддерживающих римские традиции, но и определяет зону социальной и исторической ответственности людей своего круга, которым не престоало отказываться от общественной жизни, которые несут ответственность не только перед собой, но и всей историей римского народа [6, с. 245].

Вездесущность и незаменимость Кассиодора при королевском дворе контрастирует с почти абсолютным молчанием о нем современников. Из современников Кассиодора упоминают в своих посланиях лишь три римских епископа — Геласий, Иоанн II и Вигилий [18, р. 13], в то время как имя его ни разу не встречается ни у Боэция, ни у Эннодия, переписывавшегося в начале VI в. чуть ли не со всеми важнейшими фигурами италийского общества, ни у Прокопия Кесарийского, ни у Анонима Вalezия, писавших о временах, когда Кассиодор уже стал заметной фигурой при дворе остготских королей [18, р. 14]. Остается только предполагать, что Кассиодор не был

для своих современников столь важной и заметной фигурой в политической жизни остготского королевства, какой он является для нас, воспринимающих политическую историю Италии первой половины VI в. сквозь призму созданного Кассиодором «мифа» о себе.

Третья избранная нами составляющая этого мифа связана с организованным Кассиодором образовательным центром в Сквиллации (Squillacium, совр. Сквиллаче). Виварий благодаря самому Кассиодору, оставившему «Наставления в науках божественных и человеческих», где представлены собранные в этом монастыре книги и изложены принципы работы с ними, а также благодаря нескольким поколениям исследователей, с жадностью изучавших и сам Виварий, и принципы педагогической деятельности, практиковавшиеся в нем, стал восприниматься как важнейший интеллектуальный центр раннесредневековой Европы [2, с. 114, 4, с. 124—132; 15, р. 369—384]. Расположенный в живописном месте Калабрии, обладающий десятками кодексов с сотнями произведений, объединивший творческие усилия целого ряда знатоков греческого языка, трудившихся над сохранением мудрости греческих отцов для латинских читателей [12, р. 336—338], Виварий, действительно, заслуживает всестороннего внимания. Точно так же заслуживают внимания и труды самого Кассиодора по организации как самой обители, так и ее библиотеки.

Виварий, действительно, был детищем Кассиодора, о котором он мечтал задолго до его появления на свет, еще будучи в Риме на высоких постах государственной службы [9, р. 3 (I, praef., 1)], которого он взращивал, собирая книги и привлекая кадры. «Наставления» составлены как незримый диалог учителя и учеников, присутствие учителя чувствуется в каждом разделе, в том числе благодаря обилию глаголов, стоящих в первом лице. Вот лишь несколько примеров: «Из этих [толкований Августина] я... собрал уже два десятка» [9, р. 20 (I, 4, 1)]; «мы надеемся... получить вскоре эти [толкования] из тех или иных областей, куда мы послали просьбу поискать их... мы узнали, что их должны нам переслать. Если же кому-то из вас попадетсЯ вдруг что-либо из этого, прежде чем те [запрошенные тексты] придут сюда, позаботьтесь с должным радением переписать их и присоединить к уже упомянутым толкованиям» [9, р. 31—32 (I, 8, 14)]; «мы позаботились сделать указания [в книгах], чтобы труд наш вооружил вас и удостоил стремление вашей святости небольшим подарочком» [9, р. 67 (I, 26, 1)].

Судить о «Наставлениях» как об учебнике довольно сложно. Риторически текст, как только что было сказано, действительно, выстроен в виде диалога, в котором, впрочем, ученики лишь подразумеваются, ничего не произносят сами, не задают вопросов, но к ним постоянно апеллирует автор. О главной особенности этого учебника — соединении в нем основ христианской мудрости и «языческого» знания, суммированного в семи свободных искусствах, — в литературе сказано уже достаточно [15, р. 381—382; 13, р. 51; 4, с. 125; 2, с. 118], что избавляет нас в данном случае от необходимости углубляться в этот вопрос. Конечно, можно усомниться в практической пользе от тех знаний, которые излагает Кассиодор, особенно если учитывать, как он эти знания подает. Так, например, большую часть раздела по музыке составляет длинный перечень «тонов» или «ладов», и все, что узнает читатель из этого перечня, сводится к тому, что тот или иной лад выше или ниже другого на полтона, какого-то — на тон, иного — на полтора тона, на два, два с половиной тона и т. д. [9, р. 145—149 (II, 5, 7—8)]. Но нельзя отрицать, что наряду с этой, казалось

бы, «технической» информацией, Кассиодор рассуждает о божественном происхождении музыкального искусства, о его разделах, о всепроницающей природе музыки (стук сердца также подчинен ее законам), увлекая тем самым читателя к постижению и этой области знаний. Но не менее важным представляется также другое. Если согласиться с традиционными высокими оценками «Наставлений» и признать Кассиодора великим для своего времени теоретиком педагогики, мы не должны забывать о том, что по учебнику нельзя целиком и полностью судить об учебном заведении.

Был ли Виварий «культурным событием» для своего времени, оказался ли он «христианским университетом» для насельников монастыря, мы обычно судим, находясь под впечатлением текстов самого Кассиодора. Он убеждает нас в масштабности проекта, широте «школьной» подготовки, осуществляемой в Виварии. Но в нашем распоряжении есть свидетельства, заставляющие иначе посмотреть на успех этого проекта. Прежде всего, слова самого Кассиодора. Дело в том, что спустя примерно двадцать лет, после того как он завершил в 562 г. свои «Наставления», имевшие раздел, посвященный грамматике, и содержащие практические советы по исправлению рукописей, он вынужден был взяться за написание специального сочинения «Об орфографии». Само намерение ни о чем еще не говорит. Грамматика вообще и орфография в частности, как ни одно иное искусство, требовались для переписчиков рукописей, и появление дополнительного учебника вполне оправдано. Гораздо важнее то, каким образом Кассиодор в предисловии к этому сочинению объясняет свое решение взяться за труд: «Когда я работал над моими “Краткими обзорами апостольских [писаний]”, монахи вдруг начали кричать: “Какая нам польза знать мысли древних или даже ваши, если мы совершенно не знаем (*omnimodis ignoramus*), как их следует записывать? Мы также не можем читать вслух то, что не в силах уловить в Писаниях”» [8, col. 1239C]. Если эти слова Кассиодора не являются фигурой речи, а отражают реальное положение дел, то из них, по словам Дж. О’Доннелла, следует заключить, что все предприятие с организацией духовного образовательного центра закончилось полным провалом. В монастыре не только уровень образованности монахов оставался крайне низким, но и не нашлось никого кроме девяностолетнего старца, каким был к этому времени Кассиодор, чтобы составить компендиум из грамматических трудов древних авторов [18, p. 230].

С другой стороны, влияние Вивария на последующую интеллектуальную историю, как показывает ее изучение, было неочевидным. Копирование рукописей в монастырях началось задолго до Кассиодора (вспомним хотя бы монастырь святого Мартина или женский монастырь в Арелате, основанный Цезарием) и продолжалось независимо от него. У нас также нет доказательств того, что последующая практика работы с манускриптами опиралась на советы Кассиодора [18, p. 252]. Его важнейшая идея о необходимости сочетать светские науки и постижение Священного Писания, судя по всему, не получила должного отклика. По крайней мере, обзор рукописей «Наставлений», предложенный Р. Минорсом, показывает, что каждая из двух книг его труда, то есть раздел о светских науках и науках божественных, жили (хранились, переписывались) независимо друг от друга [17, p. ix—x]. Но мы по-прежнему, читая Кассиодора и видя красоту его педагогического замысла, сохраняем веру в действенность его замысла и влияние на последующие поколения.

Настоящая статья является лишь попыткой разобраться с тем, как формировался миф о Кассиодоре и какой вклад в этот процесс внес сам основатель

Вивария. Возможно, изучение лексики «Варий», предисловий к теологическим трактатам Кассиодора способно открыть его нам с новой стороны, в том числе показать, каким образом он сознавал свое религиозное обращение и погружение в созерцательную жизнь. Но и сделанный в статье краткий обзор, как думается, позволяет вычленить некоторые составляющие самопрезентации Кассиодора. Во-первых, очевидно стремление Кассиодора заявить о себе как о римлянине не только по крови, но и по духу, по образу мысли, показать себя поборником римских аристократических традиций, связать славу своего рода с государственным служением и литературными занятиями. Во-вторых, составленные им «Варии», написанные и отредактированные им официальные документы остготского королевства, очевидно, имели целью не только предложить потомкам образцы канцелярской работы, но и увековечить самого Кассиодора как крупного государственного деятеля, обеспечившего транзит римских государственных практик в новую политическую реальность. Наконец, в-третьих, Кассиодор, возможно, сам того не ожидая, своими «Наставлениями о науках божественных и человеческих», сохранил себя для истории как организатора духовного центра, не имевшего аналогов на латинском Западе, спасителя языческой и святоотеческой литературы. Все эти перечисленные три столпа, на которых зиждется миф о Кассиодоре, не имеют под собой прочного фундамента в виде параллельных свидетельств, но тем интереснее, сравнивая самооценки Кассиодора с данными независимых от него источников, увидеть в нем выдающегося позднеантичного ратора, по своему конструирующего мир и пишущего свой портрет для потомков.

Список литературы

1. Манукян Э. М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV—V вв. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Т. 45, № 3. 2018. С. 415—428.
2. Тюленев В. М. Традиции римской школы и Виварий Кассиодора // Интеллигенция и мир. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. № 2. С. 114—124.
3. Тюленев В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Средние века. Вып. 82 (1). М., 2021. С. 151—165.
4. Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. 320 с.
5. Фокин А. Р. Кассиодор // Православная Энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 31. М., 2013. С. 531—544.
6. Шкаренков П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. 270 с.
7. Шкаренков П. П. «Vita Eriphani» Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в Остготской Италии // Вестник РГГУ. 2008. № 12. С. 81—113.
8. Cassiodorus. De orthographia // Patrologia Latina / ed. J.-P. Migne. T. 70. 1865. Col. 1239—1270.
9. Cassiodorus Senator. Institutiones / ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1961. 194 p.
10. Cassiodorus. Variarum / rec. T. Mommsen // MGH AA. Bd. 12. Berlin, 1904. clxxxiv+597 p.
11. Cavriellatos A. Preface // Self-Presentation and Identity in the Roman World / ed. by A. Cavriellatos. Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. vii—xvi.
12. Courcelle P. Late Latin Writers and their Greek Sources. Cambridge: Harvard University Press, 1969. 488 p.

13. *Dales R. C.* The Intellectual Life of Western Europe in Middle Ages. Leiden, N. Y.: E. J. Brill, 1992. 322 p.
14. Fifth-century Gaul: a Crisis of Identity? / ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
15. *Hammer J.* Cassiodorus, the savior of Western Civilization // Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. 1945. Vol. 3, № 2. P. 369—384.
16. *Momigliano A.* Cassiodorus and Italian Culture of His Time // Proceedings of the British Academy. L., 1955. Vol. 41. P. 207—245.
17. *Mynors R. A. B.* Introduction // Cassiodorus Senator. Institutiones / ed. by R. A. B. Mynors. Oxford, 1961. P. ix—lv.
18. *O'Donnell J. J.* Cassiodorus. Berkeley: University of California Press, 1979. 303 p.
19. Self-Presentation and Identity in the Roman World / ed. by A. Cavriellatos. Cambridge Scholars Publishing, 2017. xvi+273 p.
20. *Waarden J. A. van.* Episcopal Self-Presentation: Sidonius Apollinaris and the Episcopal Election in Bourges AD 470 // Episcopal Elections in Late Antiquity / ed. by J. Leemans, P. van Nuffelen. Berlin, Boston, 2011. P. 555—561.